Под подозрением

Паранойя и привыкание к насилию: Мыкола Ридный о том, как вспышки насилия трансформируют общество

Война на Донбассе заморожена на разделительной линии конфликта, где периодически тает лёд, а люди продолжают погибать. Жизнь внутри и в непосредственной близости к точкам кипения принуждает к побегу. Для многих переселенцев новым домом стал ближайший большой город – Харьков. Однако спокойствие этого дома – лишь видимый фасад, за которым скрывается тревога. В 2014-2015 годах в Харькове произошло больше десятка взрывов бомб. Сегодня СБУ делает устрашающие заявления о возможности новых терактов, ссылаясь на некий план дестабилизации Украины “Шатун”, призывая граждан быть бдительными во избежание провокаций. Однако кто в сложившейся ситуации провокатор – вопрос крайне неоднозначный.

В начале ноября 2014 года произошёл взрыв в харьковском пабе “Стена” на улице Рымарской. Примерно полгода до этого, во время ожесточённых противостояний активистов Майдана и Антимайдана, на Рымарской во время штурма офиса Правого сектора было застрелено двое людей из пророссийского лагеря. Многие помнят и другие события на Рымарской, когда толпа антимайдановцев избивала и унижала проукраинских активистов, оказавшихся в меньшинстве. Задолго до этих событий, в пабе “Стена” я несколько раз пил

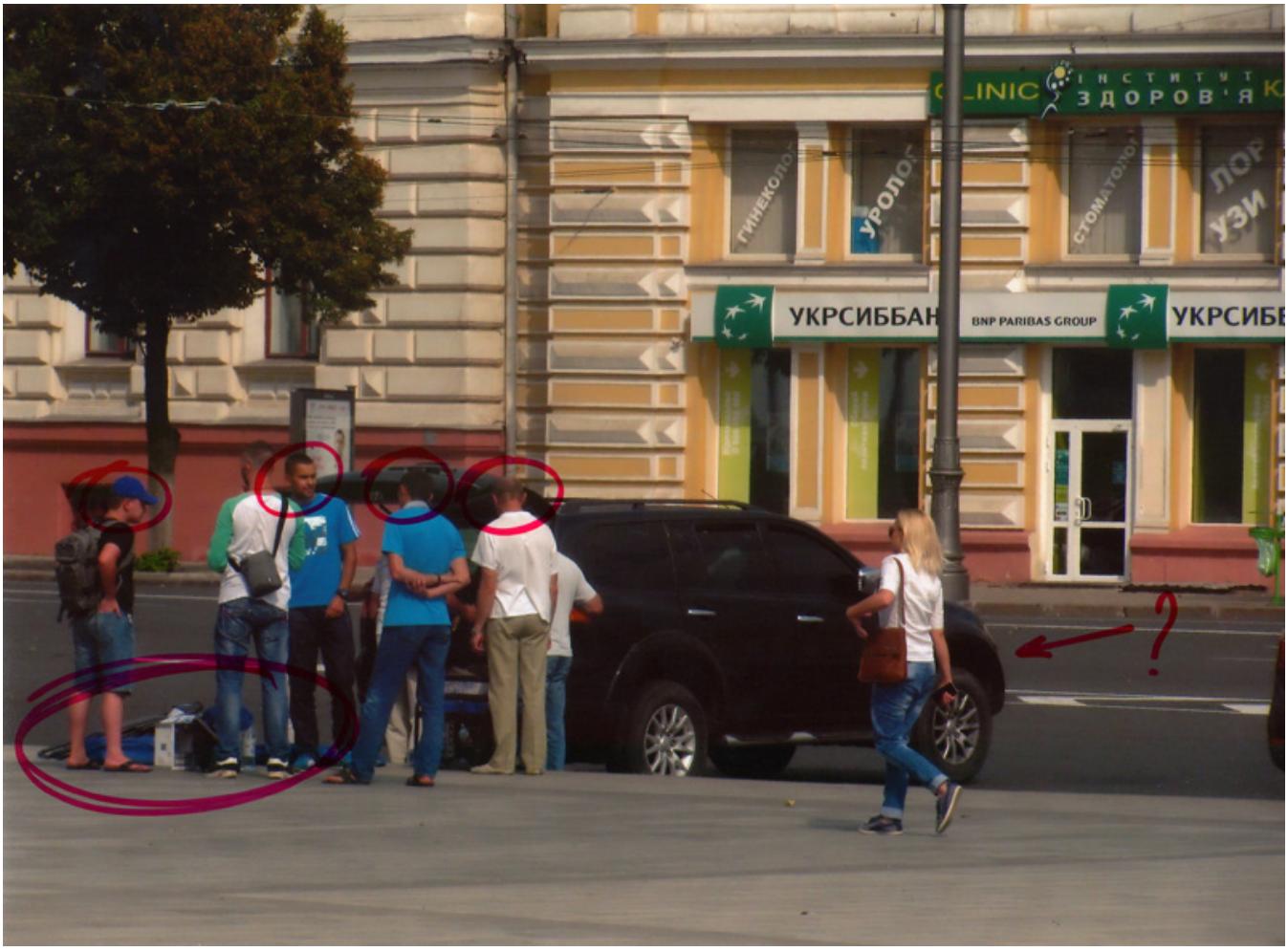
пиво с друзьями. Тогда заведение не имело никакого ярко выраженного политического характера. К моменту совершения теракта паб имел репутацию места, популярного среди участников полка Азов, других украинских добровольческих батальонов и футбольных ультрас. В результате взрыва пострадало 13 человек.

В конце ноября того же года мы сидели в другом харьковском кафе с коллегами, проводившими исследование для биеннале современного искусства в Киеве. После встречи я открыл фейсбук и узнал, что на соседней улице был взрыв. Неизвестные подложили взрывное устройство в трансформаторную будку вблизи военного госпиталя. Ни люди, ни госпиталь, ни трансформатор не пострадали. Зато взрывная волна выбила окна в магазине напротив. Тут я вспомнил, что мы проходили через эту улицу минут за 15 до взрыва. От мысли, что могли оказаться случайными жертвами, стало, мягко говоря, не по себе.

В феврале 2015 года бомба сработала во время шествия, приуроченного годовщине “победной” демонстрации Евромайдана в Харькове. За год до взрыва несколько тысяч человек, среди которых был и я, обступили Дворец спорта, где происходил съезд при участии Кернеса, Добкина, Царёва и других одиозных персонажей. Участники съезда быстро скрылись в неизвестном направлении, а толпа активистов отправилась пешком с окраины города в центр, где пыталась снести памятник Ленина. Юбилейное шествие не было реальным политическим действием, а скорее символическим обрядом. Говорят, что взрыв планировался только в целях запугивания, а не реального убийства. Но случилось именно то, что случилось.

Харьковских бомберов связывают с сепаратистским подпольем, следующим указаниям ФСБ. Каждый раз мишенями становились места и люди, так или иначе связанные с Майданом, украинской армией или их поддержкой. Многие харьковчане придерживаются условно нейтральной позиции и говорят, что не следует ходить в подобные места и тогда можно чувствовать себя в безопасности. Но чем в большем количестве мест стали происходить взрывы, тем больше такая позиция становилась неубедительной. Связь терактов и сепаратизма перестала быть единственной очевидной после взрыва гранаты под Верховной Радой в Киеве в августе 2015 года. В результате теракта украинских националистов погибло четверо солдат-срочников, находившихся среди охраны правительственного здания. Когда в сентябре 2015-го кто-то взорвал кондитерский магазин “Roshen” в Харькове, уже сложно однозначно сказать, кому это выгодно и кто виноват: сепаратисты или украинские “патриоты”, недовольные правительством олигархов. Результатом этих действий, совершённых экстремистами из разных политических лагерей, является не только трагедия гибели отдельных людей, но и необратимые трансформации всего общества. Вспышки насилия трансформируют тревогу в страхи и фобии. В публичном пространстве появляются новые элементы, которые было сложно представить раньше: инструкции о том, как распознать потенциального террориста, обратить внимание на подозрительные предметы, следить за разговорами и жестами других людей. Нередко транспортные узлы и публичные места патрулируют ультраправые, наделённые полномочиями полицейских.

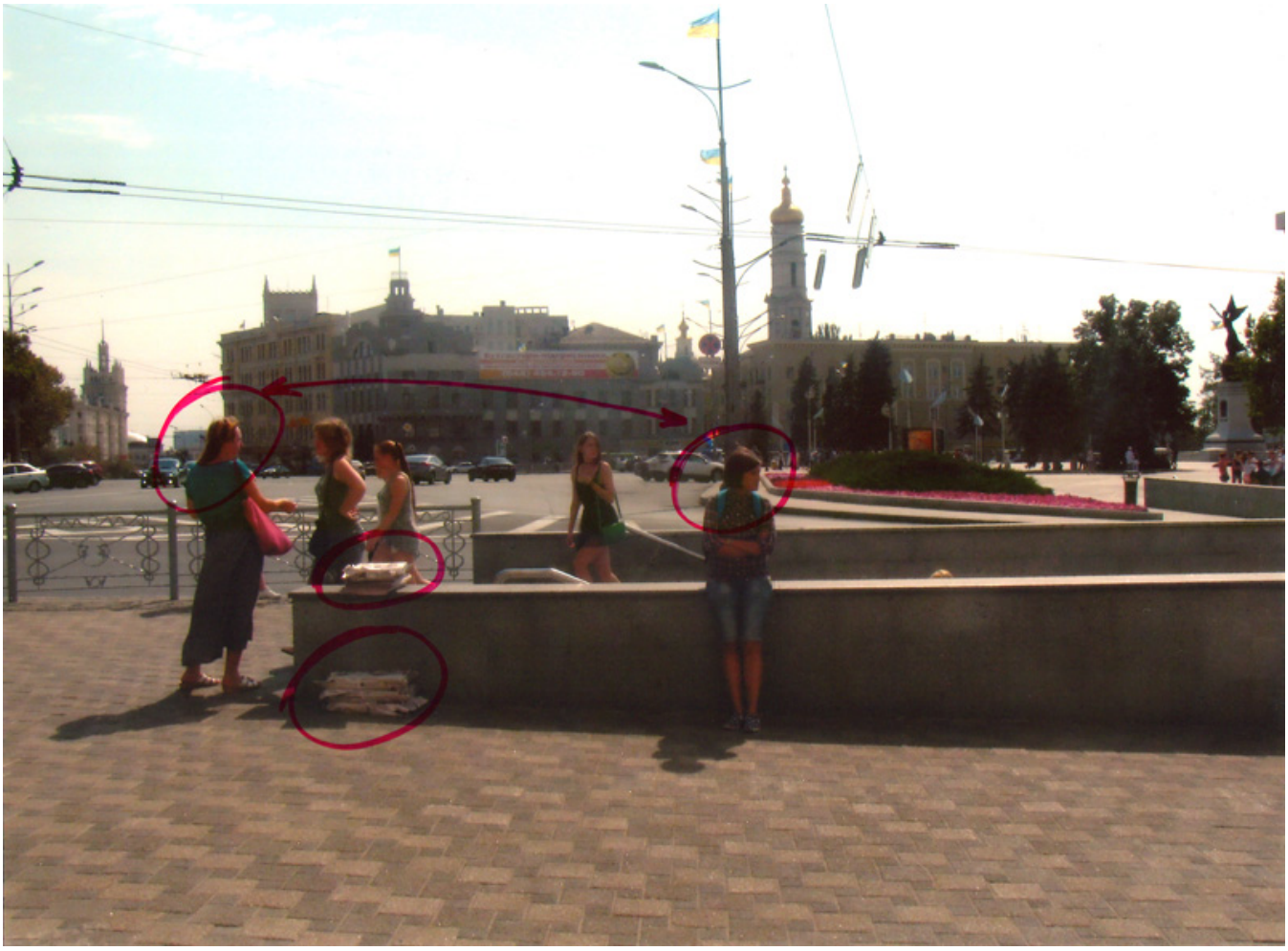
Подозрительность превращается в один из человеческих инстинктов и граничит с паранойей. Спокойствие и нормальность ситуаций и людей подвергаются постоянной проверке – так меняется оптика восприятия действительности. В ситуации постоянного присутствия насилия властям очень просто следовать манипулятивной технологии создания врагов: любое несогласие можно списать на провокаторов и экстремистов, за которыми стоят внешние силы. Общество, находящееся в состоянии аффекта, следует этой логике, пытаясь увидеть врага даже там, где его нет. Вынужденные переселенцы становятся первой мишенью под прицелом подозрительности, как будто неблагополучный внешний вид и прописка делают их автоматически ответственными за преступления террористов.

Участвуя в протестных акциях ещё до Майдана, я всегда обращал внимание на сотрудников специальных служб в штатском, ведущих оперативную съёмку подозрительных лиц. Где-то, должно быть, лежит недоступный полицейский архив: десятки акций протеста, лица сотен людей. Наличие такой документации говорит о паранойи властей, оправдывавших безопасность вездесущим контролем. Сегодня логика подозрительного мышления, присущая следователям или чиновникам, перешла в практику повседневности простых граждан. От борьбы с параноидальной властью украинское общество пришло к собственной паранойе, бороться с которой уже гораздо сложнее – это не болезнь большого Другого, а собственный недуг. Этот недуг прогрессирует, когда власти, понимая присутствие социального недовольства в обществе, придумывают различные методы подавления протестных настроений, ссылаясь на провокации внешнего врага. Как обществу смотреть на себя критически в контексте угрозы и опасности? Как сохранять трезвость в отношении к

действиям властей и внешнего агрессора, которым крайне выгодна параноидальность? Ключевым вопросом является взгляд на другого, не маркирующий его как чужого, провокатора, шпиона, но принимающий право на другую точку зрения и позицию.

ноябрь 2016

ХОДУ
НЕМА